

АННА
СОРОКА

СОНЯ
МИРОНОВА

ДЕЛО

МОЙ ОШЕР

Первое дело лейтенанта

**Анна Сорока
Соня Миронова
Мой опер. Первое
дело лейтенанта**

<https://litres.ru/74664693>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я пришла в следственный отдел с золотой медалью академии и твердым намерением вернуть доброе имя отцу. Майор Павел Седых встретил меня насмешкой: ему нужен боевой напарник, а не отличница с конспектами. Но первое же дело — убийство на заводе — загнало нас в ловушку. Пока бандиты перекрывают выходы, этот угрюмый опер закрывает меня собой. А когда начальство требует спрятать улики, встает на мою сторону. Теперь мы идем против тех, кто привык покупать закон. Я должна доказать, что умею не только спорить с майором, но и прикрывать его спину. Только как сохранить холодную голову, если рядом с ним сердце теряет всякую дисциплину? На кону честь отца, наши жизни — и чувство, которого мы оба не ждали.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Сорока

Мой опер. Первое дело лейтенанта

Мой опер. Первое дело лейтенанта
Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Холодный мартовский ветер швырял в лицо колючую ледяную крупу вперемешку с мазутной пылью. Асфальт перед входом в районный отдел полиции был покрыт бурой жижей талого снега, из-под которой то и дело проступали глубокие колеи от колес тяжелых дежурных уазиков.

Я остановилась на верхней ступени крыльца, перехватила тяжелую ручку дюралевого криминалистического чемодана и глубоко, до боли в легких, вдохнула сырой воздух. Форменный китель лейтенанта юстиции, еще пахнувший складом и свежей шерстью, сидел на мне идеально — отутюженный, с новенькими золотистыми пуговицами и чистыми погонями с одним просветом. Золотая медаль ведомственной академии осталась лежать дома в бархатной коробочке, а здесь, на окраине промышленного Заречья, начиналась настоящая земля. Земля, на которую когда-то уходил мой отец, следователь Игорь Воронов, и откуда его вынесли с клеймом взяточника, сломав его жизнь и убив сердце задолго до физической смерти.

В дежурной части стоял густой, едкий чад дешевого табака. Дребезжал селектор, звенели телефонные аппараты, монотонный голос дежурного майора переругивался с линейным экипажем.

У открытого оружейного сейфа спиной ко мне стоял высо-

кий, широкоплечий мужчина в потертой темно-коричневой кожаной куртке с засаленными манжетами и тяжелых армейских берцах. Он загонял патроны в запасную обойму пистолета Макарова с сухим, механическим лязгом металла, даже не оборачиваясь на скрип входной двери.

— Майор Седых? — окликнула я, шагнув вперед и стараясь, чтобы мой голос звучал максимально собранно и сухо. — лейтенант юстиции Воронова. Распоряжением начальника следственного отдела назначена старшей следственно-оперативной группы по вызову на завод металлоконструкций.

Майор замер на долю секунды. Медленно спрятал снаряженный магазин в кожаный подсумок портупеи, защелкнул клапан кобуры и лишь затем неторопливо развернулся.

Его лицо казалось высеченным из серого гранита: жесткая двухдневная щетина, глубокая резкая складка меж густых бровей и холодные, абсолютно прозрачные серо-стальные глаза. Глаза волка, который слишком долго ходит по следу в одиночку и ни от кого не ждет пощады.

Он окинул меня ледяным, пренебрежительным взглядом с ног до головы — задержавшись на начищенных до блеска ботинках, на моих тонких пальцах и новеньких погонах. Кривая, злая усмешка тронула его обветренные губы.

— Слушай сюда, выпускница, — голос майора оказался низким, с глуховатой хрипотцой, будто он только что выпил кружку ледяной воды на ветру. — Мне в цеху нужен опер

с пистолетом, который умеет стрелять на шорох, а не отличница с бантиком и конспектами. Там мокрый бетон, распоротый труп и вонь. Сиди в кабинете, пей чай и строчи учетные карточки. Я сам всё оформлю.

Внутри меня вспыхнула яростная, жгучая волна обиды, но я не отвела взгляда. Я сделала шаг навстречу, сокращая дистанцию, и вскинула подбородок:

— Осмотром места происшествия руковожу я — назначенный следователь, товарищ майор. И если вы попытаетесь уехать в промзону без следователя, ни один собранный вами материал не ляжет в основу обвинения. Любой дежурный адвокат развалит ваше дело на предварительном слушании из-за нарушения процессуального статуса следственной группы. Либо вы берете мой чемодан и мы работаем в связке, либо я сейчас же звоню прокурору района и докладываю о прямом саботаже следственного выезда. Выбирайте.

Несколько секунд в коридоре дежурки висела звенящая тишина. Слышно было, как за стеклом дежурного пультика капает вода из старого умывальника. Павел Седых смотрел на меня в упор, не мигая. Его тяжелые желваки на скулах дрогнули. Он, кажется, впервые увидел, что за хрупкой девичьей фигуркой и белым воротничком рубашки скрывается нестигаемый стержень.

Майор резко выдохнул через нос, шагнул ко мне, вырвал из моей руки двадцатикилограммовый чемодан так легко, будто это была пустая картонная коробка, и толкнул плечом

тяжелую бронированную дверь:

— На улицу. Машина во дворе. Только потом не скули.

Служебная полноприводная «Нива» с усиленными швеллерами вместо штатных бамперов стояла посреди огромной мазутной лужи. Седых швырнул мой кейс на заднее сиденье, обошел капот и прыгнул за руль. Едва я захлопнула пассажирскую дверь, внедорожник с ревом сорвался с места, вздымая фонтаны грязных ледяных брызг.

Машина неслась по разбитым переулкам рабочей окраины, раскачиваясь на глубоких выбоинах. Седых вел жестко, яростно вкручивая руль, и искоса поглядывал на меня:

— Там огнестрел в упор, лейтенант. Дробь или картечь с полуметра. Входное — с кулак, требуха наружу. Если грохнешься в обморок прямо в кровяную лужу — откачивать не стану, оставлю местным собакам.

— Механизм образования штанц-марки при плотном прижатии ствола мне знаком, майор, — спокойно, глядя прямо перед собой на мелькающие серые заборы, ответила я. — Разрыв кожных покровов давлением пороховых газов, внедрение несгоревших порошинок на глубину до трех сантиметров и опаление по периметру. Классический признак заказной ликвидации либо показательной казни. Если вы пытаетесь напугать меня анатомией морга, то зря тратите бензин. Лучше скажите, почему на законсервированном объекте сработал вызов гражданских рабочих, а не ведомственной охраны?

Седых на мгновение прищурился. Его пальцы крепче сжали обод руля. Он достал из пачки помятую сигарету «Беломор», чиркнул колесиком зажигалки и выпустил в приоткрытое стекло струю горького дыма. Больше он не проронил ни слова.

Подъездная дорога к заводу металлоконструкций утопала в раскисшей глине. Ржавый трехметровый забор из колючей проволоки тянулся вдоль бесконечной полосы бурьяна. Но перед самым шламбаумом центрального КПП дорогу нам наглухо перекрывал брошенный поперек колеи тяжелый самосвал «ЗИЛ» без номеров и кузова.

Будка охраны зияла выбитыми стеклами. Шламбаум был выломан с корнем и валялся в грязи. Ни одного охранника, ни одного сторожевого пса на блокпосту не было.

— Тормози, Паша, — тихо сказала я, уже забыв про субординацию. — Охрану сняли. Причем сняли не больше часа назад — на снегу у порога будки еще не заплыли свежие следы армейских берцев.

Седых скрипнул зубами, резко воткнул рычаг раздатки на пониженную передачу и вывернул руль:

— Знаю. Нас здесь ждали. Держись за поручень!

«Нива» с ревом сползла в глубокий придорожный кювет, заскребла мостами по мерзлой глине, выбросила из-под задних колес комья мокрого щебня и, перевалив через бруствер, выскочила на внутреннюю бетонированную площадку завода.

Цех №4 возвышался посреди промзоны колоссальной железобетонной громадой. Верхний ряд зенитных фонарей на крыше был разбит, и сквозь закопченные рамы внутрь здания падали серые лучи холодного предрассветного света.

Мы вошли через распахнутые грузовые ворота. Внутри царил гулкий, ледяной сквозняк. Пахло сыростью, жженым железом, застарелым машинным маслом и тем самым сладковато-тяжелым, ни с чем не сравнимым запахом свежей человеческой крови, от которого мгновенно холодеет в затылке.

У основания неподвижного конвейера, прямо в черной луже талой воды и крови, ничком лежало тело.

Седых подошел первым, на секунду присел на корточки, брезгливо тронул носком ботинка рукав брезентовой робы убитого и бросил:

— Классика жанра. Местные бродяги срезали медь с кабелей, нажрались паленой водки, сторож попытался их шугануть — ему и проломили голову ржавой трубой или шмальнули из самопала. Пиши бытовуху, Алина, и вызывай труповозку. Нечего тут сопли мотать.

— Отойдите от тела, майор, — мой голос прозвучал так хлестко, что Седых невольно отступил на полшага.

Я щелкнула замками чемодана, натянула тонкие латексные перчатки и опустилась на колени перед убитым, подстелив полиэтиленовую пленку.

— Вы на ноги его посмотрите, Павел Сергеевич. Какая

бытовуха?

Я осторожно приподняла край испачканной в грязи штанины рабочего комбинезона. Под грубым брезентом блеснула дорогая итальянская модельная туфля из мягкой телячьей кожи ручной работы. Я повернула голову мужчины к свету: аккуратная стрижка, ухоженные ногти, следы военной выправки на широких плечах.

— Личность погибшего — Виктор Кравцов, — зачитала я с ламинированного бейджа, спрятанного под воротником рубы. — Начальник ночной смены и главный кладовщик завода. А теперь посмотрите на каптерку.

Металлическая дверь служебного кабинета кладовщика была вскрыта гидравлическим инструментом. Внутри помещения массивный несгораемый сейф зиял распаханной дверцей со срезанными ригелями. На бетонном полу валялись сорванные свинцовые пломбы с личным клеймом оборонного НИИ оптико-электронных приборов.

— Судя по оставшейся в каптерке описи, из сейфа похищен опломбированный транспортный ящик с экспериментальной партией лазерных прицелов и приборов ночного наведения для спецподразделений, — констатировала я, поднимаясь на ноги. — Кравцова вели от самого дома, заставили открыть каптерку, вскрыли сейф, а затем показательно казнили в цехе.

Седых нахмурился. Его взгляд стал острым, цепким. Он молча достал из кармана мощный фонарь и направил луч на

пол.

— Если казнили в упор, где стреляная гильза? — глухо спросил он. — Здесь бетон залит водой, в смотровой яме два метра грязной воды. Если гильза упала в сток — мы ее до лета не найдем.

Я подошла к темному провалу технологической смотровой ямы под конвейером. Мой налобный фонарик мигнул от сырости и погас.

— Дайте зажигалку, Паша.

Седых молча щелкнул колесиком, поднося огонек к моим пальцам. В колеблющемся желтом язычке пламени я медленно повела взглядом по массивным деревянным брускам опалубки, окаймлявшей край ямы. Мой взгляд зацепился за свежий, не потемневший от мазута скол сосновой щепы на вертикальном косяке дверцы технического лаза.

В глубине расщеп древесины тускло блеснул латунный ободок.

Я достала из чемоданчика тонкий хирургический пинцет, аккуратно завела кончики за закраину и миллиметр за миллиметром извлекла застрявшую гильзу калибра 9х18.

— Смотрите, майор, — прошептала я, поднося находку к свету зажигалки.

На латунном донце гильзы, прямо между капсюлем и заводской маркировкой, тончайшим лазерным лучом была выжжена крошечная, оскаленная волчья пасть.

— «Северный рубеж»... — хрипло выдохнул Седых, и в

его голосе впервые прорезался ледяной холод. — Личная метка боевиков Костыля.

Он протянул руку в грубой кожаной перчатке:

— Давай ее сюда. Спрячу в карман. В дежурке сидят стукачи главка, через полчаса о гильзе будет знать Савицкий.

— Нет, — я твердо отвела руку. Достала номерной прозрачный сейф-пакет, бережно опустила гильзу внутрь, запечатала самоклеящуюся ленту с индикатором вскрытия и расписалась черным маркером на контрольном поле. — Осмотря уже снимаю на служебную камеру. Пакет опечатаю, а каждое действие внесу в протокол. Мы посадим их по закону, майор. Под мою процессуальную ответственность.

Седых посмотрел на меня так, будто видел впервые. В его глазах мелькнуло нечто, похожее на глухое уважение.

И в эту секунду снаружи, у самых ворот цеха, с визгом затормозили тяжелые покрышки. Захлопали двери микроавтобуса, и гулкое эхо донесло хриплый гортанный окрик:

— Периметр перекрыть! Всех, кто внутри, — в расход!

Седых среагировал мгновенно, как сжатая пружина. Одним рывком он захлопнул тяжелую створку цеховых ворот, со скрежетом вогнал стальной засов в проушину и толкнул меня вглубь полутемного цеха:

— Назад, Аля! В станочный ряд! Это зачистка!

Глава 2

Грохот первого удара снаружи заставил вздрогнуть многотонные железные перекрытия. Тяжелая кувалда с глухим металлическим звоном врубилась в полотно ворот, выбивая ржавые заклепки. Следом зазвенели автоматные очереди — пули решетили металл створок, пробивая аккуратные круглые отверстия, сквозь которые в полумрак цеха хлестали снопы дневного света.

Седых сгреб меня за плечо своей железной пятерней и буквально швырнул за массивную чугунную станину токарно-винторезного станка. Я упала на четвереньки, больно содрав ладонь о битый кирпич, но чемодан прижала к груди; пакет с гильзой я уже убрала во внутренний карман кителя как самое драгоценное сокровище.

— Лежать и не высовываться! — прорычал он мне в самое ухо.

Я попыталась приподнять голову, чтобы оценить сектор входа, но в ту же секунду из разбитого дверного проема в глубину цеха ударил ослепительно-белый, ледяной клинок ксенонового прожектора. Слепящий луч скользнул по пыльным балкам, по трупам на конвейере и намертво впился в угол станка, за которым мы прятались.

— Вижу тепловую сигнатуру за станиной! — донесся глухой голос в радиии нападавших. — Двойка, дави их!

Седых среагировал за долю секунды до того, как свинцовый шквал снес чугунный угол укрытия. Он дернул меня за ворот кителя вниз, впечатывая в бетон. Над нашими головами с оглушительным треском брызнули снопы раскаленных искр. Пули калибра 7.62 с визгом рикошетили от стального вала, осыпая нас ледяной каменной крошкой.

— У них армейские тепловизоры на прицелах, — быстро, тяжело дыша, бросил майор. — В открытом зале мы для них как на ладони. Уходим вниз, в коллектор!

Он подтолкнул меня к открытому чугунному люку кабельного колодца у стены цеха. Я первой соскользнула во влажную, пахнущую прелыми кабелями темноту заглубленного туннеля. Высота бетонного желоба была не больше полутора метров; приходилось двигаться на полусогнутых ногах, с трудом удерживая равновесие на склизком полу.

Седых спрыгнул следом, мгновенно достал из разгрузочного жилета портативную радиостанцию «Гранит» и зажал тангенту:

— «Заря», я «Утес-один»! Нападение в цехе номер четыре! Нас зажали, высылайте спецназ...

В ответ из динамика полился пронзительный, скрежещущий визг высокочастотного белого шума. Помехи резали барабанные перепонки.

— Глушилка, — процедил сквозь зубы майор, с досадой выключая рацию и пряча ее обратно. Он выхватил табельный ПМ, передернул затвор, досылая патрон в ствол, и по-

смотрел мне прямо в глаза: — Связи нет. Подмоги не будет. Рассчитываем только на себя. Готова, лейтенант?

— Всегда готова, майор, — ответила я, доставая из кобуры свой пистолет и чувствуя, как мелкая дрожь в пальцах сменяется ледяным, прозрачным спокойствием. — Вперед.

Я пошла первой, ведя ствол перед собой вдоль мокрой бетонной стены. Кабельный желоб огибал восточное крыло здания, выводя к техническому подъему на мостовой кран.

Внезапно носок моего ботинка наткнулся на невидимое, натянутое в десяти сантиметрах от пола сопротивление. Тончайшая струна сухо натянулась. В полутора метрах впереди, под сводом трубы, раздался звонкий металлический щелчок отскочившей чеки.

— Растяжка! — крикнула я, мгновенно падая на живот и закрывая голову руками.

— Назад! — взревел Седых.

Он не стал падать. В темноте его наметанный глаз выхватил висящее на стене пожарное конусное ведро, доверху забитое слежавшимся, мокрым от грунтовых вод песком. Майор сорвал ведро со штыря, сделал отчаянный шаг вперед и с сокрушительной силой обрушил пудовый металлический конус прямо на шипящий во мраке запал УЗРГМ гранаты РГД-5, навалившись сверху всем своим стокилограммовым телом в бронежилете.

Глухой, утробный взрыв разорвал жесть ведра изнутри. Бетонные стены туннеля содрогнулись, волна горячего по-

рохового газа ударила мне в лицо, осыпая штукатуркой. Седых отбросило на меня, он тяжело охнул, но массивный слой мокрого песка и плита его бронежилета сожрали основную силу осколков.

— Живой?.. — задыхаясь, прошептала я, хватая его за широкие плечи.

— Живой, чтоб их разорвало... — хрипло выплюнул он цементную пыль, мотая контуженой головой. — Нас демаскировало. Они идут на хлопок. Бегом наверх!

Мы выскочили из колодца в узкий кирпичный простенок у основания массивной опоры мостового крана. Но едва я успела вжаться в угол кладки, как противоположный конец цеха взорвался шквальной стрельбой.

Пули ударили в кирпич. Но это был не обычный треск пистолетных выстрелов — это был тяжелый, металлический рокот автоматов специального назначения. Свинцовые стержни прошивали силикатный кирпич насквозь, выбивая глубокие воронки и превращая полуторную кладку в пыль.

— Ложись! — крикнул Седых, пытаясь прикрыть меня плечом.

Острый осколок кирпича, выбитый пулей, полоснул меня по правой скуле. Ожгло резкой, жгучей болью. Горячая струйка крови мгновенно потекла по щеке, заливая белый воротничок форменной рубашки.

Я инстинктивно прижала пальцы к лицу — на ладони осталась алая кровь.

Седых увидел эту кровь. И в ту же секунду его лицо изменилось. Вся холодная рассудительность опытного оперативника сгорела без следа — в его расширившихся зрачках вспыхнуло дикое, первобытное бешенство. Челюсти сжались так, что на висках вздулись толстые узловатые вены.

— Суки... — глухо, страшно прорычал он.

Майор шагнул из-за разбитого угла опоры во весь свой огромный рост, вскинул пистолет и двумя сдвоенными, выверенными выстрелами снес головного автоматчика в черном камуфляже, бежавшего вдоль конвейера. Мужчина рухнул на бетон, выронив оружие.

Под моими ногами звякнула стреляная гильза противника, срикошетившая от балки. Я подхватила ее на лету: тяжелая стальная гильза спецпатрона СП-6 калибра 9х39 с характерным зеленым лаковым пояском на донце. Спецбоеприпасы закрытого хранения Главного артиллерийского управления, предназначенные для бесшумных снайперских винтовок «Винторез» и автоматов «Вал».

— У них армейские бронебойные патроны с зеленой маркировкой! — крикнула я Павлу сквозь грохот выстрелов. — Это не уличная шпана, это спецназ синдиката!

Оставшиеся двое стрелков отпрянули за контейнеры, осыпая нас беспорядочным огнем.

— К эстакаде, Аля! В дренажный туннель! — скомандовал Седых, меняя магазин на бегу.

Мы ринулись к узкой металлической лестнице, ведущей

на погрузочный пандус. Но стоило мне ступить на первую ступень, как мой взгляд метнулся вверх. На стальной решетчатой балке мостового крана, прямо над нашими головами, метнулась черная тень. В тусклом свете разбитого зенитного фонаря блеснула длинная линза прицела. Наемник заходил нам во фланг сверху, готовясь расстрелять нас в упор в узком тупике.

— На кране! — закричала я, с силой дергая Павла за рукав кожанки и указывая стволом вверх. — На двенадцать часов, на балке!

Седых не стал раздумывать. Он упал на спину на скользкие ступени, вздернул пистолет на вытянутых руках и трижды нажал на спуск, целясь точно по силуэту над нами. Сверху раздался глухой вскрик, звук ломающегося железа, и тяжелое тело наемника в черной разгрузке рухнуло с семиметровой высоты на бетонный пол цеха, раскинув руки.

— Чисто! — выдохнул Седых, поднимаясь и протягивая мне руку.

Мы сбегали вниз по разбитым ступеням в смотровой прямоок погрузочной эстакады. Казалось, спасительный выход на улицу был уже в пяти шагах.

Но едва мы вынырнули из-за бетонного выступа, как из клубов цементной пыли прямо перед нами вырос коренастый наемник в черной балаклаве. В его руках был укороченный охотничий обрез двенадцатого калибра. Черные, хищные жерла сдвоенных стволов смотрели мне прямо в лицо с

расстояния двух шагов.

Его палец уже ложился на спусковой крючок. Время застыло, растянувшись в звенящую, бесконечную секунду.

* * *

Я видела каждую царапину на вороненом металле спиленных стволов. Видела побелевший палец стрелка на спуске. Воздух застрял в горле, парализуя связки, а ладонь инстинктивно вжалась в карман кителя, где лежал пакет с волчьей гильзой.

Но выстрела в лицо не последовало.

Сзади раздался глухой, яростный рык, и тяжелая масса тела Павла буквально смела меня с линии огня. Майор совершил отчаянный, нечеловеческий бросок вперед, заслоняя меня своей широкой спиной и сбивая корпусом вниз, в глубокую яму водоотвода.

И в этот миг грохнул выстрел.

Оглушительный, чудовищный раскат двенадцатого калибра разорвал пространство цеха. Сноп тяжелой свинцовой картечи с дистанции в один метр ударил Седых в левое плечо и край бронежилета. Кожаная куртка лопнула, разлетаясь в клочья, кевларовый пакет прогнулся, принимая на себя страшный кинетический удар, а несколько свинцовых шариков срезали мягкие ткани, брызнув багровым веером на мокрую стену.

Мы рухнули на дно ямы вместе. Я ударилась спиной о чу-

гунную трубу, но боли не почувствовала — весь мой мир сузился до лица Павла, искаженного нечеловеческой, страшной мукой. Его зубы были стиснуты до хруста, из уголка рта текла тонкая струйка крови, а левый рукав куртки мгновенно потемнел от хлещущей струи.

— Паша! — вырвалось у меня из самой груди.

Бандит наверху не стал перезаряжать обрез. Он с торжествующим матерным воплем прыгнул прямо в яму, заноса тяжелый кованый приклад ружья, чтобы разmozжить мне череп.

Седых действовал на чистых армейских рефлексах, пере-силивая шок от разорванной мышцы плеча. Левая рука майора безжизненно висела, но правая взметнулась навстречу нападающему, как стальной капкан. Он перехватил опускающийся приклад за секунду до удара, провернул кисть бандита неестественным, страшным рывком — в тишине ямы отчетливо хрустнула ломающаяся лучевая кость. Наемник взвыл от боли, а Седых коротким, сокрушительным ударом колена в пах отбросил нападающего, впечатав его затылком в бетонный сток. Бандит обмяк, закатив глаза.

— Уходим... в туннель... — прохрипел Седых, тяжело опираясь на уцелевшую правую руку. Его лоб покрылся крупными каплями холодного, смертного пота.

Я подхватила его под мышки, напрягая все свои силы, и помогла подняться. Мы протиснулись в узкий арочный проем дренажного туннеля, заваленного битым кирпичом. Впе-

реди забрезжил дневной свет бокового погрузочного люка.

Но у самого выхода из туннеля путь нам преградила новая фигура.

Высокий, жилистый мужчина в полевой форме без знаков различия стоял на фоне светлого проема, держа наперевес автомат Калашникова с укороченным стволом. Лицо его было открыто — глубокий шрам через всю щеку, тонкие злые губы и холодные глаза профессионального ликвидатора. Бригадир наемников Костыль.

— Вот и спекся наш майор, — осклабился Костыль, вскидывая автомат на уровень груди Седых. — А девку я заберу. Савицкий просил ее живой привезти.

Седых попытался вскинуть свой пистолет, но затвор ПМ, забитый мокрой цементной жижей при падении, заклинило, не дав дослать патрон. Он дернул затвор, но тот не подался.

Павел заслонил меня своим раненым телом, тяжело привалившись к стене, и приготовился принять пулю в упор.

В этот миг во мне умер весь страх. Умерла девочка-отличница, зубрившая кодексы в тихих аудиториях. Осталась только слепая, клокочущая ярость за мужчину, который секунду назад отдал за меня свою жизнь.

Под моей правой рукой на полу туннеля лежал тяжелый, острый осколок силикатного шлакоблока весом в несколько килограммов.

Я не закричала. Я не выдала себя ни единым звуком. Я подхватила этот угловатый камень обеими руками и с глу-

хим, звериным выдохом изо всех сил метнула его прямо в лицо Костылю.

Удар пришелся главарю точно в переносицу. Раздался мокрый хруст кости, лицо бандита мгновенно залило хлещущей темной кровью. Костыль взвыл, выронил автомат, зажимая разорванное лицо руками, и потерял ориентир в пространстве.

Этих двух секунд Павлу хватило с лихвой. Преодолевая чудовищную боль, он ударил заклинившим затвором пистолета о край собственной жесткой кобуры на поясе, сбивая застрявшую гильзу, передернул затвор и хладнокровно, в упор всадил пулю Костылю в правое бедро.

Главарь наемников с диким ревом рухнул на колени, автомат отлетел в сторону.

— Валим!.. Менты оцепили цех!.. — раздались снаружи панические крики оставшихся боевиков, услышавших вой приближающихся сирен. Двое боевиков подхватили Костыля под руки и уволокли в микроавтобус. Послышался визг уносящихся колес.

Глава 3

Седых медленно осел на одно колено. Лицо его стало белым как мел, веки вздрагивали. Я бросилась к нему, упала на колени в грязную жижу и обхватила его за пояс обеими руками, прижимая к своей груди, не давая упасть в воду:

— Паша! Пашенька, держись! Не смей отключаться!

Он с трудом разлепил тяжелые веки. Его здоровая правая рука медленно поднялась, нащупала мое плечо и судорожно, до боли сжала ткань промокшего кителя. В его затуманенных болью глазах не было слабости — там горел неистовый, горячий огонь.

— Живая?.. — сипло, с хрипом выдохнул он мне в самые губы. — Смотри на меня, Аля... Пока я дышу... ни одна пададь к тебе не прикоснется. Поняла меня?.. Ни одна...

Его голова бессильно опустилась мне на плечо. Горячее дыхание обожгло мою шею, залитую его и моей кровью.

Я стиснула зубы, чувствуя, как внутри разворачивается стальная пружина несокрушимой решимости.

— Теперь команду я, майор, — прошептала я, целуя его мокрый от пота висок. — И я вытащу тебя отсюда.

Я уперлась ногами в камни, закинула его правую руку себе на шею и, шатаясь под непомерной тяжестью его мускулистого тела, поволокла Павла сквозь боковой люк наружу.

Впереди, на узком гравийном проселке у березовой рощи,

стояла наша служебная «Нива». Но едва мы выбрались из проема, как из-за угла трансформаторной подстанции с ревом вылетела бортовая «Газель» налетчиков, пытаясь перерезать нам путь к машине.

Из открытого окна кабины грузовика высунулся ствол. Плотная автоматная очередь бронебойными пулями СП-6 с оглушительным скрежетом распорол металл правой пассажирской двери «Нивы», выбивая стекло и в клочья разнося боковое зеркало.

Седых на секунду пришел в себя. Оценив обстановку мутным взглядом, он с глухим рыком рванулся вперед, толкнул меня за капот внедорожника, ввалился на водительское сиденье и до упора утопил педаль газа.

Мотор взревел на максимальных оборотах. Седых не стал уворачиваться — коротким разгоном он направил тяжелый швеллер силового бампера «Нивы» прямо в радиаторную решетку перекрывающей дорогу «Газели».

Страшный лобовой удар потряс обе машины. Металл смялся, радиатор налетчиков взорвался клубами белого кипящего пара, пробитый блок цилиндров заклинило намертво. «Газель» развернуло поперек канавы, наглухо заперев проезд остальным преследователям.

А вдали, над заводскими трубами, уже победно и грозно выли сирены полицейских нарядов дежурной части. Оставшиеся стрелки бросились врассыпную через бурьян к реке.

Седых вывалился из водительской двери прямо на талый

снег, окончательно теряя сознание от болевого шока. Кровь из его разорванного плеча пропитывала рукав. Я прижала к ране перевязочный пакет и только потом подхватила его под мышки.

Я с трудом втащила его бесчувственное тело на переднее пассажирское сиденье, забросила тяжелые ноги в салон, захлопнула искореженную дверь и сама запрыгнула за руль.

Включила зажигание. Стартер сухо щелкнул, чихнул — и могучий двигатель «Нивы» отозвался хриплым, победным рыком.

Я рванула рычаг коробки передач, выжимая сцепление, и внедорожник рванулся по раскисшей колее прочь от проклятого цеха.

* * *

«Нива» летела по разбитой грунтовке, разбрасывая веера черной болотной жижи. Дворники с трудом справлялись с липкой грязью, летящей из-под передних колес. На заднем сиденье подпрыгивал чемодан криминалиста, а рядом со мной, тяжело уронив голову на приборную панель, хрипел Павел Седых.

Его лицо было мертвенно-бледным, губы посинели, крупная дрожь сотрясала его мощное тело. Из разорванного плеча сквозь прореху куртки толчками сочилась темная венозная кровь.

— Не спать, Паша! — крикнула я, перекрикивая рев мо-

тора. — Слышишь меня? Смотри на дорогу!

Он слабо шевельнулся, попытался дотянуться правой рукой до замка зажигания, заплетающимся языком бормоча:

— Руль... брось руль, Аля... баба за рулем... разобьемся...

— Заткнись, майор! — рывкнула я с такой яростной силой, которой сама от себя не ожидала. Я жестко перехватила его горячее запястье, отбросила его руку на спинку кресла и непререкаемым, стальным тоном отчеканила: — Сейчас здесь команду я. Будешь дергаться — привяжу ремнем безопасности. Сиди смирно, если не хочешь сдохнуть от потери крови раньше, чем мы доедем до асфальта!

Седых замер. Сквозь полуприкрытые веки в его мутном взгляде промелькнуло ошеломление. Грозный волк сыска, которого боялся весь криминальный мир Заречья, впервые в жизни беспрекословно подчинился девчонке-стажерке. Он лишь бессильно прислонился затылком к подголовнику и тяжело сглотнул.

Я свернула за бетонный отбойник, остановила машину и сорвала с крепления армейскую аптечку.

— Потерпи, родной... Сейчас будет больно.

Куртка из толстой воловьей кожи на плече была пропитана кровью и намертво присохла к ране. Медицинские тупоконечные ножницы соскользнули, не в силах разрезать огрубевшую кожу. Седых глухо застонал сквозь сжатые зубы, когда я попыталась натянуть ткань.

Тогда я выхватила из кармашка кителя свой тонкий скаль-

пель из нержавеющей хирургической стали. Я одним выверенным движением лезвия вспорола плечевой шов его куртки и разорванную ткань тельняшки.

Передо мной открылось рваное месиво плечевой мышцы. В глубине раны темнел свинец. Я не стала пытаться достать его здесь.

Я сорвала упаковку перевязочного пакета и прижала его к ране. Седых выгнулся всем телом, его пальцы судорожно впились в обшивку кресла, раздирая дерматин, но он не издал ни звука — только хриплый, свистящий выдох вырвался из его груди.

Я схватила широкий эластичный бинт и тугими, жесткими витками вокруг плеча и грудной клетки наложила давящую повязку, прижимая свою ладонь прямо к его горячей, обнаженной груди. Под моими пальцами яростно, тяжело колотилось его сердце — живое, сильное, непокоренное.

На мгновение наши взгляды встретились. В его глазах сквозь пелену боли плеснуло такое пронзительное, обнаженное тепло, что у меня перехватило дыхание. Он накрыл мою дрожащую ладонь своими мозолистыми пальцами и слабо сжал:

— Спасибо, лейтенант...

Темное пятно на бинте перестало расплзаться так быстро. Я снова взялась за руль.

В этот момент впереди, на развилке с асфальтированным шоссе, мелькнули синие проблесковые маяки. Напере-

рез нам с визгом тормозов вылетел патрульный полицейский УАЗ. Из кабины выскочил капитан Токарев — крепкий, коренастый опер в расстегнутом бушлате с автоматом на плече.

Он замахал жезлом, подбежал к опущенному стеклу «Нивы» и испуганно уставился на окровавленного начальника:

— Седых! Паша, живой?! Я скорую вызываю, перехватим реанимацию у моста!..

Седых через нечеловеческое усилие приподнялся на локте и хрипло гаркнул в окно:

— Отставить скорую, Токарев! В городской травматологии дежурит бригада Савицкого... Если меня туда привезут — спишут на операционном столе через двадцать минут от «остановки сердца». Только в отдел! В мой кабинет!

Токарев осекся, побледнел и сжал челюсти:

— Понял, майор. Я с вами. Наши при оцеплении взяли Быкова, Шустрого. Он давно в розыске, конвой уже оформляет передачу. Кстати, смотрите, что я снял со столба у въездных ворот завода.

Он протянул в окно небольшой обломок пластикового корпуса уличной камеры наружного наблюдения, расстрелянной боевиками при штурме. Из разбитого гнезда виднелся крошечный черный уголок карты памяти microSD.

— Корпус разнесли картечью, но герметичный блок регистратора уцелел, — быстро доложил Токарев. — Эта камера писала въездной сектор. На флешке должны быть чистые номера и марка микроавтобуса, на котором приехала группа

зачистки.

Седых потянулся к носителю, но рука его бессильно соскользнула.

— Давай мне, капитан, — спокойно сказала я, забирая карту памяти.

Я достала из кармана второй номерной сейф-пакет, бережно опустила в него флешку, запечатала защитный клапан и убрала во внутренний карман кителя — рядом с волчьей гильзой.

— Улика процессуально закреплена. Никто не прикоснется к ней, пока мы сами не снимем дамп данных в безопасном месте. Токарев, перекрывай хвост! За нами шла темная иномарка от промзоны!

— Сделаю, лейтенант! — Токарев коротко кивнул, принимая распоряжение руководителя группы, прыгнул в УАЗ и с визгом развернул машину поперек узкого железнодорожного переезда, отсекая преследователям единственный выезд на трассу.

Через десять минут бешеной гонки сквозь весенний туман перед капотом «Нивы» выросли массивные чугунные ворота внутреннего двора районного отдела полиции.

Дежурный сержант на КПП медлил, испуганно разглядывая изрешеченный пулевыми пробоинами правый борт внедорожника и выбитые стекла.

Я до упора вдавила ладонь в клаксон. Звуковой сигнал взревел на весь сонный квартал. Я опустила стекло, высуну-

ла руку со служебным удостоверением следователя и властно крикнула в динамик переговорного устройства:

— Немедленно открыть ворота по тревоге! Следственная группа возвращается с огневого контакта! Быстро!

Сержант вздрогнул, вытянулся в струнку и ударил по кнопке гидропривода. Тяжелые стальные створки с лязгом разошлись в стороны.

«Нива» влетела на закрытую территорию отдела и замерла у крыльца оперативного крыла. Я заглушила двигатель. В наступившей тишине было слышно только потрескивание остывающего мотора и тяжелое, хриплое дыхание раненого майора.

Я выбралась из машины, обошла капот и распахнула пассажирскую дверь. Седых тяжело опустил ноги на асфальт, покачнулся, но я успела подставить свое плечо, крепко обхватив его за талию.

Мы медленно, шаг за шагом, поднялись по темной чугунной лестнице на третий этаж. Мимо испуганно пробежали дежурные опера, но никто не посмел задать ни единого вопроса — слишком страшным и несокрушимым было выражение лица раненого майора и слишком решительно звенели каблуки следователя Вороновой.

Седых толкнул плечом тяжелую дубовую дверь своего кабинета. Я завела его внутрь, щелкнула массивным замком, повернув ключ на два оборота, и помогла Павлу опуститься на старый, продавленный кожаный диван у окна.

Он тяжело откинулся на спинку, закрыл глаза и с шумом втянул носом воздух. В кабинете пахло пылью старых уголовных дел, остывшим чаем и оружейным маслом.

Майор протянул правую руку, открыл дверцу несгораемого сейфа у стола и выставил на тумбочку граненый стакан и литровую бутылку медицинского спирта. Затем он медленно поднял веки и посмотрел на меня.

В его серых, ясных глазах не было больше ни тени пренебрежения или насмешки. Там горело глубокое, опаляющее мужское уважение, смешанное с темной, собственнической нежностью.

— Ну что, лейтенант Воронова... — негромко, глухим низким басом произнес он, не отрывая взгляда от моего лица, со следами копоти и царапиной на скуле. — Теперь назад дороги нет. Они знают, что ты видела волка. И Савицкий этого так не оставит. Но пока я жив — до тебя никто не дотронется. Ни одна тварь. Мы доведем это дело до конца вместе.

Он плеснул спирта в стакан, протянул мне чистую марлевую салфетку, чтобы стереть кровь с щеки, и за окном кабинета ударил первый раскат далекого весеннего грома.

Глава 4

Раскат грома глухо прокатился над жестяными крышами райотдела, отозвавшись дрожью в старых рамах. В запертом кабинете Павла пахло крепким табаком, остывшим чаем и едким духом медицинского спирта, плеснутого в граненый стакан.

Я прижала влажную марлю к рассеченной скуле. Острую вспышку боли встретила сжатыми зубами. Сейчас было не до собственных ссадин.

Павел сидел на продавленном кожаном диване, неестественно прямо. Накинута на плечи распоротая кожаная куртка едва скрывала багровое пятно: наложенная на трассе давящая повязка насквозь пропиталась кровью, прилипнув к разорванной плоти. Лицо майора под слоем копоти казалось высеченным из камня, но в глазах тлели упрямые искры.

— Пустяки, лейтенант, — усмехнулся он пересохшими губами. — Ссадина от рикошета. До свадьбы заживет. Иди в дежурку, умойся, поезжай домой.

— Сесть прямо и молчать, товарищ майор, — мой голос прозвучал хлестко, как щелчок затвора. Я шагнула к настенному шкафчику, сорвала армейскую аптечку и с глухим звоном опустила эмалированный лоток на стол. — Куртку долой. Повязку нужно менять, рану чистить. Не заставляйте применять физическую силу к старшему по званию.

Седых замер. На скулах вздулись желваки, но в глубине зрачков мелькнуло изумленное уважение. Он сдавленно выдохнул сквозь зубы и позволил снять куртку.

Когда распоротая кожа упала на пол, я взяла ножницы. Пропитанные сукровицей слои полевого бинта и разорванной тельняшки намертво присохли к ране. Стоило слегка потянуть край, как тело Павла напряглось струной. Правый кулак сжался до синевы, а в горле заклокотал глухой рык.

— Потерпи, Паша... — вырвалось у меня тихо. Я схватила флакон с хлоргексидином и стала щедро поливать марлю и ткань, сантиметр за сантиметром размягчая запекшуюся кровь. — Еще секундочку. Я осторожно... очень осторожно.

От моего тихого голоса Седых вздрогнул. Его тяжелое дыхание замерло. Я склонилась к плечу, отделяя волокна стерильным пинцетом, и легонько подула на пылающую кожу. Горячая волна его дыхания обожгла мне висок. Между нами больше не было служебных инструкций — только это замкнутое пространство, запах его тела и моя отчаянная решимость спасти его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.